

Стаття надійшла до редакції 21.01.2013 р.

Прийнято до друку 28.02.2013 р.

Рецензент – к. філол. н., доц. Хабарова І. В.

УДК 821.161.1-3

С. А. Комаров

**НЭП В ИЗОБРАЖЕНИИ М. А. БУЛГАКОВА
(на материале фельетонов в «Накануне»)**

Жанровое и историко-типологическое положение фельетона в литературе особенное: он соединяет в себе черты публицистики и элементы художественности, своеобразную школу фельетона прошли многие классики русской литературы XIX и XX веков. Среди них: А. А. Герцен, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, А. Т. Аверченко, М. М. Зощенко, В. П. Катаев, И. А. Ильф, Е. П. Петров, М. А. Булгаков. Как правило, фельетон связывают с сатирико-юмористической литературой, многие категории которой до сих пор остаются до конца не проясненными. Тем актуальнее данное обращение к одной из граней фельетонного наследия выдающегося романиста и драматурга.

В критической литературе высказываются различные мнения о роли и месте фельетонов М. А. Булгакова в общем корпусе его работ. Одни исследователи считают их достойным вкладом в развитие советского фельетона и сатирической литературы 1920-х годов, указывают на их непосредственное влияние на «большую» прозу писателя [4; 5]. Другие – категорически отрицают данные факторы. В частности, М. О. Чудакова так отзывается о булгаковских фельетонах: в них – «не лаборатория его больших вещей, не предуготовление к большим замыслам, а скорее, наоборот, «отходы» от них, легкая эксплуатация уже найденного, уже с законченностью воплощенного в его повестях и в романе» [7, с. 178]. Или суждение В. И. Немцева: «Освоенный им (Булгаковым) в начале 20-х гг. жанр – скажем, фельетон – как чистая сатира ...произведение невысокого эстетического звучания» [2, с. 64]. Согласимся с мыслью Л. Е. Кройчика о том, что не стоит преувеличивать значения творчества Булгакова-фельетониста, хотя и необходимо признать, что оно способствовало «той аккумуляции жизненных впечатлений, которые дали впоследствии и сатирические повести, и романы, и пьесы» [5, с. 112]. Склонность писателя к сатирическому отражению действительности, равно как и особенности индивидуально-авторского стиля, впервые ярко заявили о себе в его фельетонах, поэтому эта часть булгаковского наследия действительно важна и заслуживает на всестороннее изучение. Целью предлагаемой статьи является исследование особенностей изображения НЭПа в

«накануньевских» фельетонах Булгакова. Основное внимание нами сосредоточено на идейно-художественном аспекте реализации заявленной проблемы.

Отдельную часть фельетонистики М. А. Булгакова составляют публикации в сменовеховской газете «Накануне», основанной в Берлине в марте 1922 года. Всего вышел 651 номер газеты, последний – 15 июня 1924 года. Газета продолжила идеологическую линию сборника «Смена веков» и одноименного журнала, издававшегося в Париже. Издание активно распространяло идеи «возвращенчества» в Советскую Россию и было инструментом внешнеполитической пропаганды Советской России.

Булгаков не только не считал себя сменовеховцем, но и явно отрицательно относился к этому направлению русской интеллигентской мысли. Сотрудничество в берлинской газете для него имело совсем иной смысл, чем для эмигрантов. Публикации в «Накануне» давали ему возможность расширить круг читателей, быть услышанным и за границей, т. е. не в таких узких рамках, какими уже тогда была ограничена советская печать. Булгаков в 1920-е годы принимал советскую власть, но, если воспользоваться фразой писателя, этнографа и лингвиста В. Г. Тана-Богораза, советского гражданина, также печатавшегося в «Накануне» (позиции двух авторов сблизил Я. Лурье), «одно дело служить» этой власти, «а другое прислуживаться» [6, с. 78]. Живя в советском государстве, наблюдая различные эксцессы социально-политической и культурной жизни – то же наступление идеологии, например – Булгаков не мог до конца смириться с новым строем. Об этом красноречиво свидетельствует и авторское название его дневника 1923 – 1925 годов – «Под пятой». Но мысль о реставрации прошлого, о восстановлении монархии отвергалась им не менее решительно: «...по Москве ходит манифест Николая Николаевича. Черт бы взял всех Романовых! Их не хватало» [1, с. 22]. В. В. Новиков назвал отношение Булгакова к происходящему в 1920-е годы в стране «позицией страдающего интеллигента, который остро чувствует новые противоречия, ему мило прошлое с его уютом и культурой» [3, с. 34]. Писатель понимал историческую неизбежность всего нового, что несла с собой революция. Это отличает его точку зрения от сменовеховской. Он никогда не воспринимал НЭП как реставрацию капитализма, как возврат к прошлому.

Ироническое отношение к «товарищам берлинцам» ощущается во всех произведениях Булгакова в «Накануне». «Не из прекрасного далека я изучал Москву 1921 – 1924 годов. О нет, я жил в ней, я истоптал ее вдоль и поперек...» [1, с. 246], – начинается фельетон «Москва 20-х годов» (1924). Или – в предисловии к «Золотым документам» (1924): «Когда описываешь советский быт, товарищи писатели земли русской, а в особенности заграничной, не нужно никогда врать» [1, с. 220]. Это обращение является своего рода ответом на общую для русской

литературы того времени, и не только зарубежья, однобокость в описании жизни рядового гражданина советской страны.

Первый фельетон писателя в «Накануне» датируется 30 июля 1922 года – это «Москва краснокаменная». Он представляет собой серию зарисовок с улиц обновляющейся после недавних катаклизмов столицы. Автор выводит и противопоставляет различные типы московских жителей. Здесь и нищие, бродяги с «зелеными горбами на ремнях» за плечами, и «красные спецы», служащие, нашедшие тепленькое местечко и пользующиеся недоступными большинству благами, и нэпманы, разъезжающие на дорогих авто. На принципе контраста базируются предлагаемые публицистом описания ярких вывесок магазинов, в которых можно найти очень многое, и плакатов с картинами голода, фотографиями умирающих детей и взрослых. Жанровая близость произведения к фельетону проявляется, прежде всего, в сатирических оттенках, то и дело возникающих в повествовании: в изображении нуворишей, равнодушных к голодающим, молящихся накануне «красного праздника» о ливне, который не позволил бы выйти на улицы демонстрантам; в описаниях работы продавцов, то и дело норовящих обмануть нечестных покупателей; в сценках на транспорте – в трамваях «большею частью – ни статья, ни сесть, ни лечь» [1, с. 31], а когда «просторно», пассажиры по привычке «штурмуют пустой вагон» («Атавизм» [1, с. 31], – комментирует иронический рассказчик) и т. д. Сквозь преимущественно спокойный, констатирующий тон прорывается уверенность, что большевики утвердились надолго. Об этом свидетельствует и описание пустого постаamenta, где некогда «величественно восседал тяжелый Александр III» («Грузный комод, на котором ничего нет и ничего, по-видимому, не предвидится» [1, с. 30]); и разговор двух соседок, пришедших к выводу: «На небе-то, видно, за большевиков стоят» [1, с. 33]; и возвышенные эпитеты, сопровождающие картины пока еще незначительных достижений: «невиданный», «неслыханный», «оглушительный». Да и название фельетона подчеркивает основательность пришедшей власти.

Писатель продолжает тему все более расцветающей Москвы в цикле «Столица в блокноте» (декабрь 1922 – март 1923). Оптимистические, иногда даже бравурные, интонации соседствуют здесь с ироническими и резко критическими наблюдениями и комментариями. В первом фельетоне серии воспеается «бог Ремонт, вселившийся в Москву в 1922 году» [1, с. 64]. Автор описывает «чудеса» обустройства различных помещений, происходящие на его глазах, и выражает уверенность, что в следующем году уже будут строить новые здания: «Быть может, это фантазия правоверного москвича... А по-моему, воля ваша, вижу – Ренессанс» [1, с. 66]. Та же «фантазия» рисует ему, что вскоре исчезнет бюрократизм: «...материи и посуда, зонтики и калоши вытеснят в конце концов плешивые чиновничьи головы начисто. Пейзаж московский станет восхитительным. На мой вкус» [1, с. 66]. Тем не

мене, Булгаков признает, что процесс наведения порядка в разных сферах жизни не сиюминутен – это утверждается в девятом фельетоне цикла со знаменательным названием «Золотой век». Противопоставляя себя людям, уверенным, что «Россия прикончилась», высказывая «предчувствие, что «все образуется» и мы еще можем пожить довольно славно» [1, с. 76], публицист отвергает мысль, «что золотой век уже наступил», хотя уже и появились «великолепные ступени на лестнице, ведущей в рай» [1, с. 76]. «Боюсь, что мысль моя покажется дикой и непонятной утонченным европейцам, а то я сказал бы, что с момента изгнания семечек для меня непреложной станет вера в электрификацию поезда (150 километров в час), всеобщую грамотность и проч., что уже, несомненно, означает рай» [1, с. 77], – вполне серьезно описывает автор собственное представление об идеале, апеллируя к читательской публике на Западе. Семечки для интеллигента Булгакова символизируют дух обывательщины, мешающий развитию цивилизации и духовности, «мерзость, которая угрожает утопить нас в своей слюнявой шелухе» [1, с. 77].

С проблемой мещанства в «Столице в блокноте» связаны несколько фельетонов. Прежде всего, это «Триллионер»: рассказчик приходит в гости к знакомым нэпманам, где, в отличие от «московской литературной богемы», «оказалось до чрезвычайности хорошо» [1, с. 69] – сытно, уютно и «никто стихов не читает» [1, с. 69]. Герой, тем не менее, испытывает неловкость перед блеском обстановки и претензией на изысканность, выказываемую хозяевами. Это чувство усиливается с появлением «некто, перед которым все побледнело и даже серебряные ложки съезились и сделались похожими на подержанное фразе» [1, с. 69]. Этот высокомерный «всем нэпманам – нэпман», поражает окружающих рассказом о суммах, которыми он ворочает.

В фельетоне «Во что обходится курение» обрисован другой тип советского нувориша. Его, «в общем благодушного человека» [1, с. 75], выводил из себя только один «предмет» – большевики. Любые достижения нынешних властей вызывают в нем злость и желчь, «слюну», «2-х граммов» которой «было бы достаточно, чтобы отравить эскадрон Буденного с лошадьми вместе» [1, с. 75]. Нечто подобное происходит, когда он попадает в плацкартный вагон, в котором, после разрухи и грязи войны, навели порядок. «Гм... подумаешь... свинячили, свинячили четыре года, а теперь вздумали чистоту наводить! К чему, спрашивается, было все разрушать? И вы думаете, что я верю в то, что у них что-нибудь выйдет? Держи карман. Русский народ – хам. И все им опять заплюет!» [1, с. 75], – раздражается нэпман скептической тирадой и тут же швыряет окурок на пол. Эта сценка пронизана авторской иронией двойственного характера: как по поводу героя, который рассуждает о свинстве властей, при этом сам ведет себя аналогичным образом, так и по поводу большевиков – ведь в чем-то раздраженный делец оказывается прав: многое действительно безвозвратно разрушено.

Последствия революций и войны преодолеть не просто, «очень трудно» [1, с. 78], считает Булгаков. Пропасть между сословиями с началом Новой экономической политики увеличилась неимоверно: «Контрасты – чудовищны! Дуньки и нищие (о, смерть моя – московские нищие! Родился НЭП в лакированных ботинках, немедленно родился и тот страшный, в дырах, с гнусавым голосом, и сел на всех перекрестках, занял у подъездов, заковылял по переулкам), благой мат ископаемых извозчиков и бесшумное скольжение машин, сияющих лаком, афиши с мировыми именами... а в будке на Страстной площади торгует журналами ... неграмотная баба!» [1, с. 77]. Но такие отрадные явления, как обычный школьник (фельетон «Сверхъестественный мальчик»), добросовестно следящий за порядком милиционер (фельетон «Красная палочка»), новый, советский, интеллигент, способный заниматься не только умственным трудом (фельетон «Гнилая интеллигенция»: «После революции народилась новая, железная интеллигенция. Она и мебель может грузить, и дрова колоть, и рентгеном заниматься» [1, с. 68]), позволяют надеяться, что все у новой власти получится. «В порядке ... дайте нам опоры точку, и мы сдвинем шар земной» [1, с. 78], – так оптимистично завершает писатель «Столицу в блокноте».

В следующем булгаковском фельетоне «Накануне» – «Сорок сороков» (апрель 1923) – проблема обывательщины, постепенно проникающей во все аспекты московского жизни, является основной. Фельетон структурирован в виде четырех «панорам», которые наблюдает рассказчик в столице. Первые три – ретроспективны (посвящены впечатлениям Булгакова с самого первого дня его пребывания в Москве до лета 1922 года), четвертая описывает настоящее. Автор отмечает особенную жизненную цепкость приобретателей, надеявшихся на первых порах «пересидеть большевиков». «Все буржуи заперлись на дверные цепочки и через щель высовывали липовые мандаты и удостоверения. Закутавшись в мандаты, как в простыни, они великолепно пережили голод, холод, нашествие «чижиков», трудгужналог и т. под. напасти. Сердца их стали черствы...» [1, с. 80 – 81], – пишет он в «Панораме первой: голые времена». Уже весной 1922-го («Панорама вторая: сверху вниз») нэпманы не скрываются, все больше выставляют напоказ свои преимущества. Рассказчик даже испытывает «страх» и «дрожь» при мысли, что они заполняют город, называет их «сильными, зубастыми, злобными, с каменными сердцами» [1, с. 82]. А в июле того же года, описанном в «Панораме третьей: на полный ход», советские нувориши становятся настоящими хозяевами жизни. Здесь дается жанровая сценка, изображающая развлечения, которым они предаются. Сатирик подчеркивает безвкусную роскошь их времяпрепровождения и моральную низость.

В фельетоне «Сорок сороков» Булгаков фиксирует и подвергает критике не только утверждение нового сословия, он дает представление о других негативных веяниях, рожденных НЭПом. Так, он с болью

пишет о варварстве, допускаемом большевиками к памятникам архитектуры: «Параскева Пятница глядит печально и тускло. Говорят, что ее снесут. Это жаль. ...Часовню, что была на маленькой площади, там, где Тверская скрещивается с Охотным и Моховой, уже снесли» [1, с. 85 – 86]. Довольно показательно отражают пролетарское отношение к культуре «разноцветные афиши», которые описывает автор: «Судят «Санина», судят «Яму» Куприна, судят «Отца Сергия», играют без дирижера Вагнера, ставят «Землю дыбом» с военными прожекторами и автомобилями» [1, с. 86], – старое, дореволюционное отвергается либо, в лучшем случае, переосмысливается с учетом модных тенденций. Четко противопоставляются описания «двух» Больших театров: первый, «новый» возникает, когда в его помещениях проходит съезд, функция второго – та же, что была прежде – представлять спектакли (хотя публика изменилась, здесь, опять же, «напирают» советские нувориши). «В кронштейнах вырастают красные флаги. След от сорванного орла на фронте бледнеет. Зеленая квадрага чернеет, очертания ее расплываются в сумерках. Она становится мрачной. Сквер пустеет. Цепями протягиваются непреклонные фигуры ...с винтовками. ...В переулках на конях сидят всадники в черных шлемах» [1, с. 84], – картина, изображающая Большой в дни съезда, оставляет тягостное впечатление, в подтексте угадывается и соответствующее авторское отношение.

Отдельного комментария заслуживает образ автора в данном фельетоне. Он очень близок, едва ли не полностью идентичен личности самого Булгакова – излагаются конкретные факты его биографии, описывается его мировосприятие, хотя и во временной дистанции. В первой части фельетона акцентируется «срединное положение» только что приехавшего в Москву молодого писателя: между нэпманами и «героями» (имеется в виду «победивший» в результате революции и войны рабочий класс, простой народ: «Буржуи гнали меня при первом же взгляде на мой костюм в стан пролетариев. Пролетарии выселяли меня с квартиры на том основании, что если я и не чистой воды буржуй, то во всяком случае его суррогат» [1, с. 81]). Булгаков не чужд самоиронии – с постепенным утверждением в столице нэпманов меняется, в лучшую сторону, его материальное состояние и внутренние ощущения – он, как может, приспособливается. Если в самом начале московского периода жизни он заявляет: «...я не герой. У меня нет этого в натуре. Я человек обыкновенный – рожденный ползать – и, ползая по Москве, я чуть не умер с голоду» [1, с. 80], то затем он «набирается наглости», «оброс мандатами, как собака шерстью», питается уже не «мелкокаратной разноцветной кашей» [1, с. 81], а мясом, может позволить себе («впервые за три года») не «получить», а «купить» ботинки – сначала «только номера на два» больше, а затем (уже в 1923 году) и по ноге, к тому же лакированные.

Мещанство, стремление к сытой и обеспеченной жизни – в центре внимания Булгакова и в фельетонах «Под стеклянным небом» (апрель 1923) и «Московские сцены» (май 1923). Оба произведения по форме отличаются от наканунеевских фельетонов очеркового плана, рассмотренных нами выше. По степени «беллетризации факта» они ближе к булгаковским фельетонам в «Гудке». «Под стеклянным небом» представляет собой серию сенок в торговых рядах, где происходят различные обмены (золота, валюты, предметов старины и т. п.), не вполне законная купля-продажа («фонтанная чернейшая биржа, что торгует шепотом и озираясь» [1, с. 90]). Лица, участвующие в процессе, разнообразны: кроме собственно валютчиков, «профессионалов всех типов и видов» [1, с. 89], здесь и мелкие служащие, и жены чиновников («случайные валютчицы»), и «юго-восточные люди». Все они заурядные обыватели, обеспокоенные жадой обогащения. Булгаковские портреты жуликов-спекулянтов очень выразительны: «Жулябия в серых полосатых брюках и шапке, обитой вытертым мехом, с небольшим мешочком в руках. Физиономия словно пчелами искусанная, и между толстыми губами жеваная папироска. Мимо блестящего швейцара просунулась фигурка. В серой шинели и в фуражке с треснувшим пополам козырьком. На лице беспокойство, растерянность. Самогонный нос. Несомненно, курьер из какого-нибудь учреждения» [1, с. 87]. По выражению В. В. Новикова, в подобных эпизодах ситуации и люди предстают перед читателем «как на экране кино – во всей своей исторической истинности и непосредственной осязаемости» [3, с. 37]. Ощущается и авторское отношение к изображаемым типам – это безусловное неприятие и издевка.

Фельетон «Московские сцены» еще в большей степени привлекает средства из арсенала художественной литературы. Фактически это «беллетризованный» фельетон с ясно очерченной сюжетной канвой и системой персонажей. Главный герой – бывший присяжный поверенный, а ныне, после революции, юрисконсульт. Он «едва ли не первым» в Москве почувствовал, «что происходящее» (имеется в виду революция и приход к власти большевиков) – «штука серьезная и долгая, и поэтому окопался в своей квартире не кое-как, кустарным способом, а основательно» [1, с. 91]. Он делает все возможное, чтобы его не только не выселили из большой квартиры, но и не «уплотнили» и не обложили дополнительным налогом: приглашает из провинции для временного проживания кузена и кузину, тоже из «бывших», развешивает по комнатам портреты советских деятелей (А. Луначарского, Л. Троцкого) и основоположника марксизма К. Маркса (последнего хозяин квартиры, на самом деле, ненавидел «всей душой») – для создания впечатления у постоянно приходящих комиссий, что здесь живут «сочувствующие», «коммунисты в душе» [1, с. 94].

Открывается фельетон живописной сценой обеда, подчеркивающей обывательский дух, царящий среди жильцов квартиры.

Рассказчик – гость хозяина, «человек с занятиями, называемыми неопределенными» [1, с.90] – наслаждается, равно как и его сотрапезники, сытным обедом с неременной выпивкой. «После второй рюмки божественная теплота разлилась у меня внутри и благодушье приняло меня в свои объятия. Я мгновенно полюбил хозяина и нашел, что Зинаида Ивановна, несмотря на свои 38 лет, еще очень и очень недурна и борода Карла Маркса, помещавшаяся прямо против меня ...вовсе не так чудовищна огромна, как это принято думать» [1, с. 91], – юмористические интонации, явно приводящие на память А. П. Чехова, гармонично соединяются с общей сатирической направленностью фельетона.

Интересы жильцов квартиры сводятся к стремлению хорошо поесть и отдохнуть, да чтобы никто не беспокоил в их уютном мирке. Хозяин в целях безопасности облепил всевозможными мандатами и удостоверениями. Он ловко оперирует новейшими общественно-политическими установками, лозунгами большевиков, общаясь с проверяющими, то и дело вставляет их в свою речь: «Белье, товарищ, предмет необходимости. ...И наши дорогие вожди ...все время указывают пролетариату на необходимость держать себя в чистоте. ...Не до ванн теперь. ...Не до кухонь теперь» [1, с. 94 – 95]. Прекраснодушная обстановка царит в квартире до тех пор, пока не приходит известие, что их, все-таки, «обложили». Тогда жильцы сыплют обвинениями и оскорблениями, раскрывая свое истинное отношение друг к другу. Ироническую нагрузку несет подзаголовок фельетона «На передовых позициях», подчеркивающий приспособленчество главного героя, мещанина по своей внутренней сути, но удачно адаптировавшегося в современной ситуации.

В фельетоне «Золотистый город» (сентябрь – октябрь 1923 г.), состоящем из 13 фрагментов, описывается сельскохозяйственная выставка: различные павильоны, цветники, выставочные залы, в которых проходят демонстрации технических новшеств и лекции. Автор, преимущественно, констатирует, чего добилась страна за такой краткий временной отрезок, прошедший после войны. Даже указывая на такую характерную деталь выставки, как встречающиеся повсюду атрибуты советской власти, свидетельствующие об уже зарождающемся культе – бюсты и портреты вождей большевистской революции («И всюду Троцкий, Троцкий, Троцкий. Черный бронзовый, белый гипсовый, костяной, всякий» [1, с. 154]; «Там знаменитый на всю Москву цветочный портрет Ленина. ...с изумительной точностью выращен из разноцветных цветов и трав громадный Ленин, до пояса. На противоположном скате отрывок из его речи» [1, с. 155]), писатель оставляет без комментариев. Элемент критики в «Золотистом городе» проявляется только в упоминании о работе транспорта (теснота в автобусах, нерегулярность в расписании движения), хотя и здесь звучит авторская уверенность, что со временем все будет организовано на

должном уровне. Повествование в фельетоне, безусловно, выходит за рамки конкретного повода – экскурсия по павильонам выставки дает возможность говорить об изменениях общества и личности в эпоху «грандиозных свершений».

Булгаков выступает безусловным сторонником цивилизованного развития страны, прогресса – на этот путь как раз и нацелена новая власть. К примеру, в одном из эпизодов повествуется о диспуте «Трактор и электрификация в сельском хозяйстве». Профессор-агроном пытается доказать, что в настоящий момент использование трактора в земледелии преждевременно – «он ляжет тяжелым бременем на крестьянина» [1, с. 164], ему горячо возражают, доказывая обратную точку зрения, в результате посрамленный оратор произносит: «Не понимаю, почему меня называют мракобесом?» и «удаляется во тьму» [1, с. 165]. Заканчивается диспут патетическим выступлением о фантазерах: «...народ, претворивший не одну уже фантазию в действительность в последние пять изумительных лет, не остановится перед последней фантазией о машине. И добьется» [1, с. 165]. Фантазером в предлагаемом значении называет докладчик и Ленина, перевернувшею общественное устройство страны. Так подчеркивается вера в прогрессивные перемены.

Несколько диссонирует с общим настроением завершающий абзац фельетона, в котором слышны элегические мотивы тоски по русской глубинке: «А на сцене ...десять ...владимирских рожечников высвистывают ...старинные русские песни. То станут, то заливаются дудки, и невольно встают перед глазами туманные поля, избы с лучинами, тихие заводы, сосновые суровые леса. И на душе не то печаль от этих дудок, не то какая-то неясная надежда. Обрывают дудки, обрывается мечта. И ясно гудит в последний раз гидроплан, садясь на реку... Слышен из Нескучного медный марш» [1, с. 165]. На наш взгляд, фельетонист говорит здесь о необходимости помнить о своих корнях – мечта о высокоразвитой цивилизованной стране никогда не станет явью, если будут преданы забвению духовные ценности народа.

Таким образом, НЭП показывается в «накануневских» фельетонах М. А. Булгакова в двух аспектах. Автор подчеркивает положительные явления политики большевиков, борющихся с разрухой и развивающих хозяйство. В то же время сатирик подвергает критике дух накопительства и мещанства, все более утверждающийся в обществе. В этом проявляется двойственность позиции публициста, оптимистически верящего в будущее своей страны, но и подмечающего негативные стороны жизни в новом государстве.

Изучение идейно-художественного своеобразия булгаковских фельетонов в «Накануне», безусловно, не может быть ограничено представленным анализом. За рамками данного исследования остались другие фельетоны, опубликованные автором в «смновеховской» газете («Самоцветный быт», «Самогонное озеро», «День нашей жизни», «Комаровское дело», «Путевые заметки», «Шансон д'Эте», Бенефис

лорда Керзона», «Киев-город», «Белобрысова книжка», «Золотые документы», «Москва 20-х годов» и «Багровый остров»). Многие из них продолжают темы, раскрытые в рассмотренных нами текстах, некоторые – довольно своеобразны и даже уникальны для творчества Булгакова, как в проблемном аспекте, так и в способе его раскрытия. Их изучение, а также системный анализ проблемы развития традиций в фельетонистике сатирика 1920–30-х годов составляет перспективу разработки проблемы.

Список использованной литературы

- 1. Булгаков М. А.** Собр. соч. : в 5 т. / М. А. Булгаков. – М. : Литература ; Престиж книга, 2005. – Т. 5 : Рассказы и фельетоны. – 560 с.
- 2. Немцев В. И.** Михаил Булгаков: становление романиста / В. И. Немцев. – Самара, 1991. – 164 с.
- 3. Новиков В. В.** Михаил Булгаков – художник / В. В. Новиков. – М.: Моск. рабочий, 1996. – 357 с.
- 4. Кривошейкина М. С.** Жанр фельетона в журналистском творчестве М. А. Булгакова: период работы в газетах «Гудок» и «Накануне»: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.01.10 «Журналистика» / М. С. Кривошейкина. – Тверь, 2004. – 18 с.
- 5. Кройчик Л. Е.** М. Булгаков – фельетонист «Гудка» / Л. Е. Кройчик // Вопросы журналистики. – Вып. 1. – Воронеж, 1969. – С. 110–122.
- 6. Лурье Я. С.** В краю непуганых идиотов / Я. С. Лурье. – СПб. : Изд-во ЕУСПБ, 2005. – 236 с.
- 7. Чудакова М. О.** Жизнеописание Михаила Булгакова / М. О. Чудакова. – М. : Книга, 1988. – 672 с.

Комаров С. А. НЕП в зображенні М. О. Булгакова (на матеріалі фейлетонів у «Напередодні»)

У статті розглядаються особливості зображення Нової економічної політики у фейлетонах М. А. Булгакова, опублікованих у газеті «Напередодні». У ході аналізу автор звертає увагу як на критичний пафос фейлетонів, так і на позитивні письменницькі оцінки нових тенденцій у різних сферах післяреволюційного суспільства. Своєрідність висвітлення проблеми обивательських звичаїв у булгаковських текстах прокоментована окремо. Також, окреслений образ автора у фейлетонах Булгакова, присвячених темі радянського міщанства.

Ключові слова: фейлетон, НЕП, радянська влада, побут, міщанство, образ автора.

Комаров С. А. НЭП в изображении М. А. Булгакова (на материале фельетонов в «Накануне»)

В статье рассматриваются особенности изображения Новой экономической политики в фельетонах М. А. Булгакова, опубликованных в газете «Накануне». В ходе анализа автор обращает внимание как на критический пафос фельетонов, так и на позитивные писательские оценки новых веяний в разных сферах послереволюционного общества.

Своеобразие освещения проблемы бытовых нравов в булгаковских текстах прокомментировано отдельно. Также, очерчен образ автора в фельетонах Булгакова, посвященных теме советского мещанства.

Ключевые слова: фельетон, НЭП, советская власть, быт, мещанство, образ автора.

Komarov S. A. New Economic Policy Pictured by M. A. Bulgakov (based on the feuilletons published in “Nakanune”)

The article highlights the peculiarities of picturing of the New economic policy in M. A. Bulgakov's feuilletons, published in “Nakanune”. During an analysis the author pays attention to both critical pathos of the feuilletons and on the positive estimations of the new tendencies in the different spheres of society after the revolution. Originality of problem of philistine morals and mode of life in Bulgakov's texts is commented on separately. Also, image of author in Bulgakov's feuilletons is outlined.

Key words: feuilleton, New economic policy, Soviet authority, mode of life, philistinism, image of author.

Стаття надійшла до редакції 10.02.2013 р.

Прийнято до друку 28.02.2013 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Марченко Т. М.

УДК 372.881.161.1

В. Л. Лоповок, О. Н. Теплицкая

**РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ И
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ В
СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ДАЛЕВЕДЕНИЯ
(на материале перифраза далевской тематики)**

Обладая богатейшим воспитательным потенциалом, школьное далеведение в условиях Луганщины является ядерным компонентом регионального филологического образования, благоприятствует развитию творческой, речевой, культурологической компетенций учащихся. Система школьного далеведения, имеющая давние традиции в регионе, наполняется новыми содержанием, формами и методами.

Далее кратко представлен опыт обучения учащихся перифразу далевской тематики.

Перифрастические номинации характеризуются эмоциональной оценочностью, образностью, усиливают языковую изобразительность, дают возможность школьникам рассуждать о прочитанном (услышанном), задумываться, размышлять, подвигают к созданию собственных перифрастических единиц, прививают вкус к образной,